

Немаловажным здесь является и другое. Регулярное повышение квалификации руководящих сотрудников полиции соответствует принципам Болонского процесса. Более того, повышение квалификации в Высшей школе проходят представители не только Германии, но и других государств Евросоюза. В этой связи кроме немецкого рабочим языком семинаров и других видов групповых занятий может быть английский или французский. А знание английского языка становится обязательным для всего профессорско-преподавательского состава Высшей школы полиции Германии.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

© 2014 Р. А. Ромашов

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации
Самарский юридический институт ФСИН России

В статье рассматриваются два основных подхода к пониманию культуры: имперский и мультикультурный, обеспечение в условиях мультикультурализма пенитенциарной безопасности.

1. Культура и мультикультурализм.

Человеческий мир с момента своего возникновения представляет собой социально-культурное явление, выделенное из объективной реальности (природы) за счет преобразующего воздействия, носящего как созидательный, так и разрушающий характер. В таком понимании в качестве проявлений культуры следует воспринимать любые формы человеческого поведения. Следовательно, в реальности не имеет смысла противопоставлять культуру и «бескультурие», поскольку последнее есть не что иное, как иная «культура».

Любая оценка культуры носит субъективный характер и не может рассматриваться в качестве универсальной. Находясь внутри системы и являясь ее структурно-функциональным элементом, исследователь вольно или невольно попадает под системное воздействие и в большей степени анализирует не систему как таковую, а собственное отношение к ней, как правило, представляющее адекватную реакцию на исходящие от системы позитивные и негативные раздражители. В свою очередь внешняя оценка также не может быть объективной, поскольку осуществляется представителем другой системы, руководствующимся в процессе анализа сложившимися в рамках этой системы стереотипами, которые и являются в конечном итоге критериями оценки другой системы в качестве правильной (культурной)/неправильной (бескультурной, варварской).

Вывод первый: любая социальная общность выступает в качестве определенного набора стереотипов (язык, традиции, религия, особенности хозяйствования и др.), в совокупности образующих национальную культуру/ментальность. Оценка общества как культурного/бескультурного носит субъективный характер и не может претендовать на универсальность.

Вывод второй: всякий человек есть представитель культуры, сложившейся в рамках социо-пространственно-временного континуума общественной группы, наделенный как положительными, так и отрицательными свойствами, которые при определенных обстоятельствах и в рамках определенных оценок могут рассматриваться и как выражение культуры, и как проявление бескультурия. Следовательно, не имеет смысла говорить о культурных и бескультурных людях, а нужно говорить о различных с точки зрения культурной оценки поступках, ими совершаемых. Причем данная оценка будет иметь значение применительно только к конкретному культурному контексту.

Понимание культурной деятельности как любой формы преобразования объективной реальности (природы), позволяет говорить о двух основных подходах к пониманию культуры: монистическом (имперском) и плюралистическом (мультикультурном).

Имперская культура строится на представлении о единственной «правильной/истинной» культуре мировосприятия, противопоставляемой миру бескультурия/варварства.

На наш взгляд, следует разграничивать империалистическую культуру Запада и культуру Российской империи. Для западного империализма характерной является дифференциация человеческих сообществ на культурные/цивилизованные и бескультурные/варварские. В отношении варваров со стороны цивилизации возможны и оправданы действия, недопустимые в отношении представителей собственной цивилизации. В частности, такие «высококультурные» государства, как Великобритания и США, на законодательном уровне отказались от рабства и работорговли лишь во второй половине XIX в., что не мешало им позиционироваться в качестве «форпостов» конституционализма, демократии и защиты прав человека. Для культуры Российской империи было характерно непротиворечивое сочетание государственной русской православной культуры и допустимых культур инородцев/иноверцев, признававших власть империи и, вместе с тем, сохранявших национально-культурную самоидентичность. По образному выражению Л. П. Решетникова, «православная государственность превратилась в нашу отличительную черту, в то, что отличало нас от других народов»¹. С этой точкой зрения солидарен А. Н. Боханов, по мнению которого «без православия и вне православия отыскать смысл в русской истории невозможно»². С определенной долей условности культура Российской империи может быть отнесена к модели иерархического мультикультурализма, основанного на дифференциации власти императора и местного (земского) самоуправления, русского народа и инородцев, православия, допустимых и недопустимых религий.

Победа Октябрьской революции 1917 г. привела к появлению качественно новой парадигмы культуры. Имперскую иерархию сменил принцип уравниловки. Отменялась сословная структура общества, фактически уравнивались народы, объединенные в СССР, на смену государственной религии пришла государственная идеология, по сути, объявившая веру в Бога «вне закона». Советская культура, с одной стороны, представляла модель федеративного национального мультикультурализма, в рамках которой четырнадцать национальных республик (исключение составляла интернациональная РСФСР), позиционировались как союзные государства – носители собственных национальных культур, объединенные стратегической целью – строительством коммунистического общества. С другой стороны, СССР представлял собой типичную империю западного типа, в рамках которой существовала единственная истинная культура – советская, основанная на государственной коммунистической идеологии и противопоставляемая «ложной» культуре Запада.

Кризис социалистической системы хозяйствования, обусловивший распад СССР и формирование постсоветского геополитического пространства, частью которого стала Российская Федерация, повлек отказ от советской парадигмы культуры. Вместе с тем вплоть до настоящего времени новой парадигмы, положенной в основу объединяющей национальной идеи «новой России», нет. Конституция 1993 г. закрепляет статус государствообразующей нации как «многонационального российского народа». В рамках такой конструкции русский народ уравнивается с представителями нерусских национальностей, численность которых в абсолютном большинстве не превышает 1 %. Православие уравнивается с другими религиозными направлениями, в том числе сектантскими. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в современной России сформировалась мультикультурная модель, в которой русская национальная культура фактически уравнивается с нерусскими. При этом ст. 2 Конституции, устанавливающая, что «человек, его права и свободы являются основной ценностью», является юридической основой уравнивания правового статуса родителей и детей, представителей традиционных и нетрадиционных сексуальных направленностей и т. п.

2. Пенитенциарная безопасность в условиях мультикультурализма.

Пенитенциарная среда является элементом общественной жизни, который появляется одновременно с появлением государства и права и трансформируется вместе с ними.

Представляя собой своего рода антимир, правовая и пенитенциарная культуры в то же время выступают в качестве детерминант, образуемых частицами (правовыми нормами и правомерными деяниями) и античастицами (криминальными понятиями и преступлениями), в совокупности формирующих правовое бытие. Законность и преступность являются элементами правового бытия, суть которого составляет правовой порядок, основывающийся на определенном пропорциональном соотношении названных культурных феноменов. Законность и правоохранительная деятельность не могут ликвидировать преступность как явление, но и та в свою очередь не в состоянии установить в обществе криминальный порядок. Таким образом, целью и основной задачей правового регулирования является не уничтожение преступности как таковой, а контроль за ее общим состоянием, обеспечивающий безопасность права как формы позитивной культуры. Вывод: *право и преступность представляют собой «антикультуры», взаимнообуславливающие и одновременно взаимоотрицающие явления.*

Сосуществование права и преступности как антикультур определяется двумя противоположными тенденциями. С одной стороны, без права нет преступности. Уголовно-правовая норма – это юридическая

модель и одновременно квалификационный критерий оценки преступного деяния. В свою очередь преступный казус – эмпирическое подтверждение социальной значимости нормы и показатель эффективности ее применения. Стремление общества к упорядочению общественных отношений и защите субъективных интересов от вредоносных посягательств приводит к выделению и юридическому оформлению таких социально-культурных феноменов, как государство, право, преступность. С другой стороны, столкновение права и преступности как равновеликих и сопоставимых по силе влечет их взаимное уничтожение и возврат общества в состояние политико-правового хаоса (аномии), с дальнейшим разрушением либо реконструкцией политико-правовой системы.

В контексте обеспечения пенитенциарной безопасности система исполнения наказаний выполняет двойственную функцию. С одной стороны, изоляция лиц, признанных социально опасными, является средством предотвращения совершения ими последующих преступлений. Кроме того, нельзя недооценивать исправительную функцию уголовного наказания. Также не следует забывать, что УИС практически единственная государственная структура, осуществляющая социальное обеспечение представителей люмпенизированной части населения России, являющихся основной составной частью «тюремного населения». С другой стороны, сама пенитенциарная система выступает в качестве угрозы пенитенциарной безопасности. Тюрьма как инструмент карательного воздействия в большинстве случаев не только не способствует укреплению в попавшем в нее человеке веры в конечное торжество добра, справедливости, законности, но и выполняет прямо противоположные функции – способствует социальной изолированности и разрыву социальных связей человека с нормальным обществом (прежде всего с семьей, друзьями, коллегами по работе и т. п.), озлоблению, воспитанию цинизма и недоверия. Более того, являясь местом концентрации носителей криминальной антикультуры, тюрьма начинает играть роль места «криминального заражения» и репродуктора «криминальной инфекции», распространяющейся как среди осужденных, так и среди сотрудников УИС.

Рассмотрение права и преступности как социально-культурных детерминант позволяет говорить о наказании как о специфическом проводнике, обеспечивающем взаимное проникновение и взаимное влияние антимиров (антикультур) права и преступности. В условиях эффективного правового регулирования, наказание выступает в качестве средства профилактики преступности и повышения уровня пенитенциарной безопасности, при этом правовая культура приобретает приоритетное значение и минимизирует деструктивное воздействие криминальной культуры. Усиление криминализации общественных отношений неизбежно влечет криминализацию пенитенциарной системы и, как следствие, снижение эффективности пенитенциарной безопасности. В этом случае сама пенитенциарная система начинает выступать в качестве угрозы пенитенциарной безопасности, а криминальная культура становится основой порядка и управления в пенитенциарном учреждении.

¹ Решетников Л. П. Вернуться в Россию. Третий путь или тупики безнадежности. – М.: ФИВ, 2013. – С. 27.

² Боханов А. Н. Деформированное восприятие русского прошлого: истоки и смысл // Научный православный взгляд на ложные исторические учения. – М.: Русский издательский центр, 2011. – С. 32.

РОССИЙСКАЯ БЮРОКРАТИЯ И БИЗНЕС: МИНИМИЗАЦИЯ КОРРУПЦИОГЕННЫХ РИСКОВ

© 2014 В. П. Сальников

доктор юридических наук, профессор, академик, заслуженный деятель науки
Российской Федерации

Торгово-промышленная палата Ленинградской области

В статье проводится анализ причин коррупции. Определяются исторические корни данного явления и его основные признаки в современном мире. Рассматривается взаимодействие бюрократии и бизнеса. Утверждается, что для минимизации коррупциогенных рисков при взаимодействии бизнеса и государства необходимо совершенствовать внутригосударственное законодательство и развивать институты гражданского общества.